

ЛОКАРМЕН

РАССКАЗЫ

Лазарь Кармен

Человек в сорном ящике

В Одессе нет улицы Лазаря Кармена, популярного когда-то писателя, любимца одесских улиц, любимца местных «портосов»: портовых рабочих, бродяг, забияк. «Кармена прекрасно знала одесская улица», – пишет в воспоминаниях об «Одесских новостях» В. Львов-Рогачевский, – «некоторые номера газет с его фельетонами об одесских каменоломнях, о жизни портовых рабочих, о бывших людях, опустившихся на дно, читались нарасхват... Его все знали в Одессе, знали и любили». И... забыли?..

Он остался героем чужих мемуаров (своих написать не успел), остался частью своего времени, ставшего историческим прошлым, и там, в прошлом времени, остались его рассказы и их персонажи. Творчество Кармена персонажами переполнено. Он преисполнен такой любви к людям, грубым и смешным, измороженным и мечтательно изнеженным, что старается перезнакомить читателей со всем остальным человечеством.

Лазарь Кармен

Человек в сорном ящике

Тряпка все четыре времени года жил в сорном ящике.

Ящик этот, четырехугольный, большой, вымазанный снаружи дегтем, помещался на набережной, и, когда над нею спускались сумерки, он чрезвычайно походил на гроб.

Ящичку было двадцать лет, и все двадцать лет щедрой рукой сыпали в него всякие отбросы, гнившие и плодившие мокриц, червей, мух и миазмы.

Набережная особенно богата отбросами, и ящик поэтому пустовал редко. В нем можно было найти всегда в изобилии корки арбузов, тряпки, битое стекло, черную шелуху зерен, обрывки рогож, перезревшие лимоны и падаль.

И каждый день в разные часы к ящичку приплетались портовые «воробьи» (посметюшки) и тряпичники, рылись и выуживали все то, что в их глазах представляло ценность. Все же прочее оставлялось на съедение прожорливым червям, мухам, голодным портовым собакам, курам, кошкам и огромной величины крысам, в большом числе перекочевавшим сюда из никуда не годной, лежа-

щей вверх дном по соседству баржи.

Ящик таким образом, давая приют всяким отбросам, вполне оправдывал свое назначение.

Он охотно оказал приют и Тряпке, как одному из человеческих отбросов, когда тот раз в зимнюю и суровую ночь подрался из-за не хватившей ему на ночлег копейки с приютским сторожем.

Тряпке ящик понравился. Он нравился ему больше приюта и жесткой приютской койки.

В ящике было куда лучше. Тело тонуло в отбросах, как в пуховиках, и Тряпка в истоме потягивался, свободно дыша и не чувствуя зловонных газов, плывших над ним в полуаршинном пространстве от крышки.

Лежит он, бывало, в ящике зимою и, как кот, потягивается. А за ящиком зверем лютым мечет пурга. Она треплет пакгаузы и эстакаду, кроет снегом набережную и всех тех, у кого не хватило четырех копеек на «хату» [1].

Тряпка с первой же ночи, проведенной в отбросах, объявил окончательную войну чистоте, приюту, всем людским толкам, плюнул на всех и переселился в ящик.

И он поступил совершенно логично. Он рассуждал так: «В ящике – гниль, сор, черви, а в приюте этого добра еще больше. Если в приюте червей нет, то штифты (паразиты) есть. Штифт стоит червя. В приюте за то, что штифты тянут у тебя соки, плати четыре копейки. Хоть тресни, не возьмут меньше. А тут, в ящике, если черви из тебя тянут соки, то никто платы с тебя не требует. Дальше: в приюте почитай каждую ночь облава. Поднимут тебя с койки и давай пытаться. Кто ты? Какого звания? Откуда? Где документ? Душу вымотают – и ступай этапом. А в ящике этого нет. Кто в ящик заглянет?»

Рассуждая так, он стал устраиваться в новой ночлежке, как у себя дома.

Сперва, чтобы не продувало, он забил все щели паклей, выстелил потолок сахарной бумагой и рогожей и стал поодиночке выживать собак, кур и кошек.

Этих выжить удалось скоро, но не то было с крысами. Крысы оказались злыми, зубастыми, и между ними и Тряпкой завязалась глухая и упорная борьба, длившаяся месяц.

Часто ночью он нащупывал у себя на гру-

ди крысу.

Злая, взъерошенная, с оскаленными зубами, она готовилась прыгнуть и прокусить ему горло.

И он выжидал.

Несколько секунд человек и животное, спорящие из-за ужасной норы, глядели друг на друга горящими глазами, выжидали момента, и вдруг Тряпка вытягивал руку. Два пальца его – средний и указательный – клещами стискивали крысе горло.

Крыса меж пальцев хрипела, кусалась, царапалась, и, когда она околевала, Тряпка, весь потный от этой борьбы, ловко подбрасывал ногой кверху крышку, и дохлая крыса вылетала за борт из ящика.

Тряпка таким образом передушил всех крыс, пострадав при этом одним пальцем и куском уха, и с тех пор вздохнул свободнее. Он стал единственным хозяином этого ящика.

И потянулись для него блаженные дни и ночи.

Он, можно сказать, весь день спал. Работал он мало. Разве на полчасика сорвется, тут-там

настреляет с возов два-три пудика кардифа или антрацита, отвинтит у рельс с полдюжины гаек, нациплет в агентстве из кип хлопок и все это сплавит торговке.

Он добудет потом на вырученные деньги водку, напьется и вползет назад в ящик.

Весна ли на дворе, зима, осень, лето – все равно ему. Он захлопнет крышку, так как не выносит света, солнца и мелькающих в облаках чаек. Он ничего не выносит. Все противно ему, и он рад пьяным зарыться в своих отбросах поглубже, дабы по горло пребывать в грязи, пребывать во мраке, дабы ничего не видеть вокруг себя и не слышать.

Тряпка был эгоист и чужд правил гостеприимства.

Часто в ночь, когда лил дождь или завывала метель, в ящик царапались с жалобным воем и мяуканьем собаки и кошки. Они искали пристанища. Тряпка слышал, но зарывался глубже и затыкал уши.

А жалобный вой и мяуканье не умолкали всю ночь.

Но царапались и стучались к нему не одни собаки и кошки. Стучались и люди. Люди,

пребывавшие в таком же положении, в каком и собаки. Они не имели, где преклонить голову.

Раз ночью постучалась мать-тряпичница.

Лил дождь, гремел гром, и сверкала молния. Казалось, дождь зальет всю пристань. К несчастной, обезумевшей матери жались дети, трое детей, голодных и полуодетых. Их не пустили в приют, и все четверо дрогли. Им оставалось лечь на набережной.

– Кто там?! – прохрипел сердито Тряпка.

– Я!

– Кто я?!

– Женщина!

– Убирайся к черту!

– Я не одна. Со мной дети. Пусти. Теперь дождь, куда они денутся? – взмолилась мать.

– Мне что за дело!

– Побойся бога!

– Проваливай!

Так надоедали ему каждую ночь. Каждую ночь стучался к нему то один, то другой, и он рычал на всех, как зверь, осыпая ругательствами, посылая всех к черту и пуская нередко в ход кулаки и железный крюк, как только

субъект казался назойливым.

Только раз он смягчился и разделил свое ложе. Тот, с которым он разделил его, был человек почти нагой, с ввалившимися от продолжительной голодовки щеками, тощий и промерзший.

Человек этот постучался зимой в два часа ночи.

– Кто там? – спросил Тряпка.

– Больной, голый человек, – отбарабанил тот зубами. – Ради бога, пустите. Силы меня покидают. Я замерзаю.

– Ступай в приют!

– У меня четырех копеек нет.

– Так околей. Беда большая! Одним скотом будет меньше! – И Тряпка повернулся на другой бок.

Наступило молчание.

Метель тем временем за ящиком разыгрывалась сильнее. Слышно было, как трещат под ее напором эстакада и пакгаузы.

– Ради Христа, впустите! – опять раздалось за ящиком.

Тряпка освирепел, схватил крюк и хотел было стукнуть по голове надоедавшего, но

раздумал.

– Черт с тобой, лезь! – крикнул он, подбросив ногой крышку.

Человек не заставил себя просить и свалился в ящик.

– Легче, чуть не задушил! – ощетинился Тряпка.

Тот смолчал и всецело отдался теплоте, исходящей из преюющих под ним отбросов. Он ворочался, зарывался ногами и руками, и мало-помалу члены его согрелись.

– Голоден? – резко спросил Тряпка.

– Голоден.

– А долго не жрал?

– Два дня.

– На, жри! – И, порывшись под собой, он вырыл из своей ужасной кладовки кусок бурака и сунул ему его в руки.

Тот схватил бурак с жадностью.

– Ты кто? – спросил потом Тряпка.

– Сам видишь, – последовал резкий ответ.

– Ого! Да я ведь тебя согрел и спас от смерти. Без меня замерз бы. Ах ты, свинья, свинья!

– Сам свинья! – галантно ответил, потягиваясь, разогревшийся субъект.

– Поругайся-ка еще, так я тебя вышвырну.

– Смотри, как бы я тебя не вышвырнул.

Что, ты арендовал ящик? Ящик общественный, и все могут им пользоваться!

Тряпка взвыл, как зверь, схватил неблагодарного за горло и подбросил ногой крышку, желая справиться с ним, как справлялся с крысами, но субъект не дался. Он схватил Тряпку также за горло, и между ними завязалась борьба.

– Пусти! – прохрипел уступчиво Тряпка.

Тот пустил. Наступило перемирие.

– А большая вы, должен я вам сказать по совести, ско-о-тина! – проговорил, отдохнув, Тряпка.

– И вы не меньше!

Тряпка на этот раз проглотил пилюлю спокойно.

– Право, вы веселый человек! – сказал немного погодя Тряпка и потрепал своего сончлежника по плечу. – Нельзя ли поинтересоваться, «как дошли вы до жизни такой»?!

– Так же, как и вы!

– Понимаю и вполне сочувствую. Вы не любите, когда зондируют вашу почву. Я то же

самое. Спокойной ночи! – зевнул Тряпка и добавил: – Если вам, коллега, в ящике не нравится, можете вылезть и лечь в клепки. Этой неделей два человека в клепках замерзло.

– Покорнейше благодарю вас.

– Не за что!

Через минуту оба уже храпели, а в ящик по-прежнему царапались и стучались.

Тряпка жил так или, вернее, гнил пять лет с лишком. Пять лет были у него даровой дом, даровая постель, и он так освоился со своим ящиком, что считал его своею собственностью, а не собственностью города, и, уходя, часто дерзал запирасть его. Он обзавелся даже для этой цели особым замочком.

Уйдет он, а тряпичники соберутся, сядут в кружок и ждут, пока он не соизволит вернуться, открыть ящик и не разрешит им порыться.

Впрочем, запирая ящик, он имел на это веские данные.

Тряпичники со свойственной им жадностью разбирали все в нем содержимое и нередко оставляли Тряпку без постели, отчего он всю ночь злился и от злости бился головой

О ящик.

Пять лет такой жизни дали свои результаты.

Тряпка облепился язвами, нарывами, и место теперь было ему наравне с отбросами только в сорном ящике.

Нечего удивляться поэтому, что путь к прежней человеческой жизни был у него отрезан, что люди, даже дикари – братья, – стали его сторониться, что стивадоры и форманы отказывали ему в работе в трюмах, что скорпионы (таможенные надсмотрщики) гнушались его обыскивать и что его не пускали в харчевни.

Тряпка захандрил, глубже ушел в отбросы, перестал вылезать из ящика и по целым дням лежал в нем, надсаживая грудь и горло страшными проклятиями и ругательствами по адресу всего человечества. Он призывал на всех всякие язвы и ночью подымал в ящике, колотясь о стенки его руками, ногами и головой, такой шум, что стражник каждые четверть часа подходил и грозил ему кутузкой...

– Вот, рекомендую, фрукт, ананас! – послышалось однажды над ящиком.

Тот, кто произнес эти слова, был моряк. Круглолицый и с весело бегающими глазами.

Тряпка вздрогнул и вскинул голову.

Пять человек – моряк, дама и трое штатских, нагнувшись, разглядывали его с любопытством.

– Да-а-с, фрукт! – согласился кто-то.

Тряпка заскрежетал зубами.

– Диоген современный! – сострил один. – Посторониться бы, а то мы ему солнце заслоняем. Ха-ха!

– Ну и падение! – покачал головой другой.

– Бывает и хуже! – слышалось из ящика.

– Ты кто? – спросил моряк.

– Такой же, как и вы, человек! – злобно ответил Тряпка.

– А почему тебе не лежать в приюте?

– Потому что здесь мне больше нравится.

– Удивительно! – развел руками моряк. – И какое у них удовольствие спать в грязи и гадости. Первобытные люди!

– Совершенно правильно. Вы правду сказать изволили. Мы люди – совсем первобытные и отстали от культуры.

– А почему отстали? Вон дикари на остро-

вах в Австралии и те культурнее вас.

– Культурнее, точно! А потому, что, надо полагать, в Австралии давно уже заведены учреждения, именуемые банями, где дикари парятся. Так?! А у нас, в порту, таких учреждений еще не имеется. Когда они заведутся, тогда и культура у нас заведется. Пардон! – И Тряпка совсем невежливо захлопнул крышку...

Единственным другом Тряпки был Блямба.

Блямба был тряпичником и жил где-то далеко за городом, в канаве.

Угловатый, сухой и старый, он аккуратно являлся каждый день и перешаривал все в ящике.

Тряпка отличал Блямбу от всех прочих, симпатизировал ему и вечно что-нибудь да припасал ему.

– На вот, возьми! – часто говаривал Тряпка, указывая ему то на кусок рогожи, то на кость или веревку. – Это я для тебя спрятал.

– Покорнейше благодарю.

Блямба выуживал крюком указанное и продолжал шарить дальше. Он шарил, чуть не задевая флегматично посматривавшего на

него Тряпку.

– А ну-ка, – говорил Блямба, – повернись, дай теперь тут порыться.

И Тряпка покорно, как дитя малое, поворачивался. Бывало, крюк Блямбин нечаянно застрянет в лохмотьях Тряпки.

– Легче, – замечал тогда Тряпка, – а то и меня, пожалуй, захватишь. Рогожа я тебе, что ли, или баранья кость?!

Блямба ухмылялся.

Порывшись и устав порядком, тряпичник доставал обыкновенно свою каменную, с отбитым краем у горловины, трубку, насыпал в нее махорку, облакачивался о край ящика и начинал сообщать новости. Тряпка слушал.

Известно, какие могут быть новости у тряпичника.

– Нынче, – сообщал он, – стекло и тряпки в цене падают. Прошлым годом за пуд тряпок десять копеек давали, а нонче – семь, за стекло то же самое. Ох-хо!...

– М-м! – мычал из своей норы Тряпка. Блямба сплевывал по направлению к эстакаде и

продолжал дальше:

– Вчера в Массовском приюте скоропостижно умер один нищий. Сорок целковых нашли у него в жилете.

– М-м!... Блямба!

– Что такое?

– Когда я околею?

– Должно быть, скоро.

– А ты почему знаешь?

– Уж я знаю. Вижу. Больно уж ты стал похож на тряпку. У тебя вон гной завелся. Ишь, прыщей-то и нарывов сколько у тебя повылазило!

– А был я человеком, Блямба! – вздыхал Тряпка.

– Был, верно! И я был человеком. Вон и эта тряпица, что возле тебя валяется, тоже «человеком», холстом, парусом была. Несло ее по ветру...

– И меня несло, – вздыхал опять Тряпка. – А куда всю эту гниль сплавляешь? – в сотый раз интересовался он, тыча ногой в мешок Блямбы.

– На завод, на фабрику. Ну, положим, не все. Только тряпки, кости, стекло да бумагу. Остальное идет за город.

– А что с остальным делают за городом?

– Сваливают в кучу.

– И что дальше?...

– Лежит себе эта куча и гниет. Трескают ее, себе на здоровье, черви, мочит ее дождь, тащат собаки и крысы.

– Так-с! А ты возьми меня с собой, Блямба! – горько усмехался Тряпка.

– Ишь что выдумал. Ты мне на что дался?! Что я с тобой делать стану?! Кость возьму, из нее сахар сделают, из тряпки – бумагу, а из тебя нешто патоку гнать будут?!

– И то правда. А как думаешь, Блямба, мог бы я быть еще человеком?

– Почему же нет! – задумчиво отвечал тряпичник. – Вытащить бы тебя из ящика, свести в баню да хорошенько выпарить, губкой и мылом вымыть, остричь, залечить твои язвы и одеть на тебя чистую сорочку. А можно! Да только – вот, некому...

– Блямба, – прерывал Тряпка дрожащим голосом, – выходит, нет мне спасения и надо мне околевать в ящике?!

– Выходит! Ну, прощай, некогда. Надо на завод поспеть еще. Ох-хо!

Тряпичник выколачивал трубку, засовывал ее в правый сапог, взваливал на плечо мешок и уходил.

После такого разговора Тряпка нервно захлопывал крышку, по горло зарывался в отбросы и спустя несколько минут в душном и тесном, как могила, ящике раздавалось сдавленное и глухое рыдание.

Тряпка, всеми забытый, одинокий и представленный на гниение, рыдал, как ребенок.

– Тряпка, а Тряпка! – раз окликнул его Блямба.

– Что?!

Блямба достал свою трубку, запыхтел ею и, не торопясь, сообщил:

– А слышал? Стражник говорил мне, что ящик этот снимут завтра отседова, бо на этом месте пакгауз будут строить.

Сказанное произвело впечатление.

В ящике послышалась возня, и из отверстия вынырнула облезшая голова Тряпки. Тряпка был страшен. Вместо носа на лице у него зияла дыра, а вместо глаз гноились две щелки.

Блямба выронил трубку.

– Ну и патрет! – воскликнул он.

– Ты говоришь правду?! – прохрипел Тряпка, хватая Блямбу крючковатыми и припухнувшими пальцами. – Ящик снимут?!

– Да, правда!

Тряпка почернел и выпустил Блямбу.

– Куда же я денусь? – с дрожью в голосе и растерянно спросил Тряпка.

– Куда знаешь!

Разговор этот происходил вечером.

Солнце садилось и гаснущими лучами золотило набережную. Отовсюду тянулись, обгоняя друг друга, зашабашившие лесники, угольщики, полежалыщики и сносчики.

Сверкнул у брекватера маяк.

– Ну, прощай, ох-хо! Грехи наши тяжкие! – вздохнул Блямба и тяжело взвалил на свои острые и дряхлые плечи мешок.

Он взял потом в правую руку крюк, съежился и заковылял по направлению к эстакаде.

А Тряпка, наполовину высунувшись из своего ящика, глядел ему вслед мрачным и тусклым взглядом.

Надвинулись сумерки. По набережной, по

брекватуру и судам замелькали огоньки. Замелькали огоньки и вверху, в высоко висящем над портом городе. Кругом вместе с вечерней прохладой разлилась тишина.

Тряпка поглядел в одну, в другую сторону, нырнул в ящик и захлопнул крышку.

Ящик на следующий день убрали.

Куда делся Тряпка – неизвестно.

Примечания

На ночлег. *(Прим. автора.)*

[^^^]